

ОЛЬГА ПОНИЗОВА:

Культура. 2004. 22-28 янв. - с. 12

Я загадывала желание и выбирала зрителя

Когда Ольгу ПОНИЗОВУ спрашивают, в каких фильмах она снималась, она отвечает: "В плохих", — и честно признается, что делала это ради денег. Она и артисткой себя не считает, и всем говорит: "Я Оля Поницова. Я люблю мандарины. У меня в жизни много всяких интересов, помимо актерства". Между тем на экране Ольга впервые появилась еще 15 лет назад. А в фильме "Трех. История страсти" она сыграла объект вожделения монаха — Абдулова. Позже была работа с Дмитрием Астраханом ("Все будет хорошо", "Зал ожидания"), Усковым и Краснополским ("Две судьбы").

— Оля, вы с детства отличались независимым характером?

— Хорошо, что в нашей гуманитарной школе было свободное посещение. Я ходила на историю и литературу. Сидеть же, ничего не понимая, на уроках физики и химии считала бесполезной тратой времени. На первом этаже был кабинет истории, в котором обитал Венедиктов. Сейчас он главный редактор "Эха Москвы". Один раз мы решили удрать через его кабинет. Постучались, попросили. Алексей Алексеевич повернулся к классу: "Пятый "А", закройте глаза". Мы, прошмыгнув мимо него, вылезли через окно на улицу.

У нас были хорошие учителя, но на тот момент меня интересовали совсем другие вещи. В киношколе мне было гораздо интереснее.

— Чем занимались в киношколе?

— Для меня это было общение с людьми, которые друг друга понимали. Там я встретила свою вторую маму Аллу Ивановну Степанову, которая объясняла, какие книги надо читать, какие фильмы смотреть. Мы ходили в Киноцентр, во ВГИК на специальные просмотры, ездили в экспедиции.

— На театральные премьеры бывали?

— С этим у меня связана загадочная история. Выпускник киношколы учился в Училище им. Щукина на курсе А.Казанской и повел нас на спектакль "Зойкина квартира". После антракта основные двери закрыли, и я, увидев открытую боковую дверь, направилась туда. Навстречу шла группа людей. Один человек показался мне похожим на Смоктуновского. Он посторонился, пропуская меня: "Преходите, там ничего страшного". Спустя несколько лет, когда я училась в Щукинском, тоже на курсе А.Казанской, я узна-

ла, что это действительно был Смоктуновский, который в составе комиссии принимал спектакль.

— По какому принципу выбирали училище?

— ВГИК был далеко, а Щукинское мне нравилось. Я училась с Лешей Кравченко. С Амалией Гольданской мы очень тесно общались. Гулены были страшные.

— Неужели и в училище сбегали через окно?

— Однажды мы после кафе, в котором нас видел режиссер, не пошли на репетицию. Мы честно дошли до аудитории, но, поняв, что идти нам туда не хочется, свернули налево. На следующий день разразился ужасный скандал. Казанская собрала курс. Обычно она начинала говорить тихо, но в какой-то момент стучала кулаком по столу. Я вздрагивала и начинала хихикать. Алла Александровна, наверное, думала, что я такая хамка, которая не чувствует своей вины. Не могла же я ей объяснить, что смеюсь от страха.

— В какой театр попали после окончания училища?

— Я вышла замуж, родила сына и на четыре года забыла про театр. Потом Сергей Проханов пригласил меня в свой Театр Луны. Я была ему бесконечно благодарна, потому что театр — моя лечебница. У каждого человека должен быть потребитель его чувств, иначе сердце не выдержит. Для меня это зритель, но иногда, когда болела голова, много народу и спектакль не нравился, я затевала шуточную игру. Я загадывала желание, выбирала какого-нибудь зрителя и говорила себе: "Если он почешет за ухом или дотронется до носа, то желание сбудется". Загадывала что-нибудь не особенно серьезное, чтобы не обидно было, если оно не сбудется, но на моем любимом спектакле "Фауст" я таких шуток себе не позволяла.

О.Поницова

— На вас там такое красивое платье было.

— У меня была давнишняя мечта сыграть что-нибудь в платье с кринолином. Ни разу в театре мне это не удавалось. Я со слезами на глазах поведала о своей мечте Проханову, он пообещал: "Будет тебе кринолин", — и специально придумал мне финальный выход в свадебном платье с кринолином, корсетом, и фатой.

— Говорят, что вы человек импульсивный, можете с репетиции сбежать.

— Так было однажды. Сажу я в зале, на репетиции спектакля "Куколка", и чувствую, что меня все гнетет. Я девочка-сова, а меня заставляют с утра пораньше что-то делать. Вскочила и не разбирая дороги побежала из театра домой, настолько сильно было желание вырваться. Дома муж налил мне вина. Я выпила несколько бокалов и успокоилась. Хорошо стало еще и оттого, что сейчас там идет репетиция, а я тут сижу в тепле и пью вино. Это было, как

затмение. Я никак не могу это объяснить.

— В сериале "Пейзаж с убийством" вы сами водили судно по Неве?

— Съемки проходили на ледоколе. Камеры на берегу и на самом судне. Режиссер отправил меня в рубку к штурвалу. Капитан присел, чтобы его не было видно. Снимали изда-лека, и я подумала: "Надо так крутануть, чтобы эффектнее было". В конце концов у капитана сдали нервы, он вскочил, дернул какой-то рычаг и остановился в двух метрах от опоры моста.

— Больше вас за штурвал не пустили?

— Наоборот. За следующие три дня я всему научилась и стала просто асом.

— Вы с кем-нибудь советуетесь при выборе роли?

— Я живу обособленно, своим домиком. У меня маленький круг общения. Мне не с кем советоваться, я обсуждаю это сама с собой. Могу неделю ходить по квартире и уговаривать себя: "Олечка, ну давай пойдем на этот проект, потому что нам надо что-то кушать", и сама же себе возражаю: "Нет, мы погибнем, это нас разрушит, нам будет плохо, мы не сможем после этого жить".

— На что вы обращаете внимание, когда читаете сценарий?

— Возьму я героиню в подруги или нет. Пока, за редким исключением, мне мои героини не нравятся. Я себя очень люблю. Считаю, что я очень хорошая, а они так себе, какие-то непонятные тетки. Я не могу себя с ними сравнивать. Мне нельзя на съемках сказать: "Сделай так, как сделала бы ты на ее месте". Я всегда делаю по-другому. Я даже на озвучании переспрашиваю: "Что она сказала?" — потому что я бы сказала совсем другое.

— Как же вы играете?

— Я мечтаю лишь об одном: "Хотя бы дубля за два сняли, чтобы я только два раза произнесла этот дурацкий текст, иначе к вечеру будет жуткое состояние". Сказать и забыть. Если я буду помнить, в чем я участвовала, какие слова произносила, что делала, то это прямой путь к депрессии. Я, например, благодарна Игорю Ливанову, потому что с его подачи попала в сериал

"На углу, у Патриарших", когда у меня в кошельке было пять рублей, но про съемки я ничего не помню. Я делала все, что говорили.

— Значит, вы на стороне критиков, которые ругают сериалы?

— Очень справедливая критика. Вы думаете, другие артисты не ругают сериалы? Еще как ругают, только не все признаются в этом. Хотя, должна признать, сериал сериалу рознь. Бывают и исключения.

— Вы следите за тем, что происходит в кинематографе?

— Новинки не отслеживаю. Смотрю передачу "Кульм кино" с Разлогвым на канале "Культура", потому что наверняка знаю, что там будет интересный фильм, который мне потом захочется иметь в коллекции. У меня нет ни одной случайной кассеты, я такие ликвидирую. Так же я поступаю и с книжками.

— А книжки вам чем помешали?

— Плохая литература портит ауру в доме. Я подхожу к шкафу и, если вижу случайно затесавшуюся книжку, подаренную кем-то, потому что сама я такую бы себе не купила, я тут же ее выбрасываю, потому что в такой атмосфере тяжело жить. До последнего года это на меня очень давило. Сейчас я спокойнее отношусь к внешним раздражителям.

— Что изменилось за последний год?

— Я стала заниматься профессионально. Внешне я была в ней. Снималась во всем, не выбирая, не просеивая. Я плыла по течению, и внутренней потребности окунуться в профессию с головой у меня не было. Мне было неинтересно реализовывать чьи-то идеи. Сейчас я стала раскрепощеннее, перестала прятать свою суть, перестала бояться показывать, какая я есть на самом деле. Наверное, эти изменения почувствовали и режиссеры, потому что мне стали предлагать другие сценарии. Я подписала контракт на сериал. История, которую будут снимать, мне нравится. Я хочу в ней быть. Я хочу это сделать, и я могу это сделать.

Беседу вела
Татьяна ПЕТРЕНКО
Фото Сергея ФЕДОТОВА